

АГИШЕВ Руслан Ряфатович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39А; agishev2019@gmail.com)

БАРИНОВА Ольга Николаевна — старший научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39А; bolgarri@mail.ru)

МАНАЕВА Ирина Владимировна — научный сотрудник отдела мониторинга правовых процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39А; manaeva.i.v@mail.ru)

КОРРУПЦИЯ И ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению и оценке коррупционных практик старшего поколения. Актуальность проблематики обусловлена несколькими моментами. Во-первых, в условиях депопуляции и демографического старения населения люди третьего возраста будут все активнее вовлекаться в социальную и экономическую жизнь государства и общества, объективным образом становясь и субъектом, и объектом коррупционных взаимоотношений. Во-вторых, специфические потребности и известная степень десоциализации старшего поколения формирует особое коррупционное поведение и иное восприятие коррупции, отличное от таковых в более раннем возрасте. В статье использовались результаты массового исследования ГКУ РМ «НЦСЭМ» в Республике Мордовия (2021 г., N = 400, погрешность ± 5%), нацеленного на выявление региональных черт коррупционного поведения и особенностей восприятия коррупции. Авторы рассматривают коррупционную активность, зоны коррупционного взаимодействия, характер используемых взяток. В статье подчеркивается, что коррупционные практики старшего поколения развиваются в парадигме доверительного, лично окрашенного взаимодействия с чиновником. Высказывается предположение, что это обусловлено четким разделением неформального платежа на взятку и «благодарность». Первая связывается с вымогательством и вызывает негативные чувства, а второе воспринимается как часть взаимовыгодного сотрудничества и оценивается скорее положительно или снисходительно.

Ключевые слова: коррупция, взятка, коррупционное поведение, сферы коррупционного взаимодействия, третий возраст, старшее поколение, коррупционная активность

В условиях демографического старения и депопуляции населения проблема активной включенности старшего поколения в социальные и экономические процессы приобретает особую значимость. Высокий уровень образования и квалификации, значительный профессиональный и жизненный опыт этой когорты становятся ценным инвестиционным капиталом [Долбик-Воробей 2020: 51]. В то же время повышение их роли в социально-экономических процессах приводит к расширению их участия в неформальных взаимодействиях с должностными лицами и, как следствие, к привнесению в коррупционные практики собственных детерминантов. Обращение к специфике старшего возраста при изучении коррупционных практик позволит выделить особенности их восприятия коррупции и собственно коррупционного поведения, что и стало целью настоящего исследования.

Понятийно-терминологический аспект. Исследовательским интересом охвачена когорта респондентов в возрасте 55–70 лет (особый этап в жизненном цикле человека — между взрослостью и старостью, получивший наименование «третий возраст» [Laslett 1996]). В этом возрасте, в отличие от более старшего, так называемого четвертого возраста, значимая часть людей сохраняет относительно хорошее здоровье и высокую трудоспособность, активно участвует

в общественной жизни социума [Молевич 2001: 62]. Выделяемая начальная граница (55 лет) связана с пенсионной реформой 2019 г., серьезно изменившей понятие общности людей «третьего возраста» [Зборовский 2019: 11] и поставившей вопрос о необходимости включения сюда категории предпенсионеров (55–60 лет). Верхняя граница (70 лет) определена с учетом средней продолжительности жизни в России.

Люди в возрасте 55–70 лет как представители одного поколения объединены близкой картиной мира и образом жизни, разделяют схожие ценности и интересы, реализуют идентичные практики общения. Активное формирование их социального опыта пришлось на советский период, что накладывает на них характерный отпечаток. Среди особенностей сознания советских поколений выделяются коллективистские ценности, направленность на социальную стабилизацию, преобладание конформизма в отношениях, низкая толерантность к отступлению от общепринятых норм [Пищик 2011: 85].

Немаловажным фактором, определяющим образ жизни людей в указанном возрасте, становится выход на пенсию, сопровождающийся кардинальным изменением статусных позиций. Недавно полноценно включенные в социально-экономическую жизнь общества, люди с этого момента вынуждены приспосабливаться к коренным изменениям в образе и стиле жизни, разрыву привычных социальных связей, сужению социокультурных возможностей.

Одновременно для публичного дискурса характерна полемика о необходимости целенаправленного приобщения старшего поколения к современным социальным и экономическим процессам. На фоне постоянно увеличивающейся потребности в профессиональных кадрах «дополнительные возможности для трудовой и общественной активности данной категории населения могут считаться одним из механизмов воспроизводства человеческого капитала и формой социальных инвестиций» [Потехина, Чижов 2016: 5]. В этой связи возрастная специфика коррупционных отношений приобретает особую значимость.

Средством описания и объяснения полученных результатов (особенности коррупционного поведения, мотивы участия в коррупционных сделках, восприятие коррупции и взяточничества и др.) выступили концептуальные положения социогеронтологической теории – теории социальной активности. В рамках последней утверждается, что оптимальной адаптационной стратегией людей третьего возраста становится сохранение образа жизни, стиля и установок, присущих людям среднего возраста (с естественной заменой одних социальных ролей другими) [Суслова 2017: 64]. Подразумевается, что человек в указанном возрасте остается включенным в жизнь общества и сохраняет, пусть и в ограниченном масштабе, круг своих интересов и связей. Следовательно, частью его социального капитала продолжает выступать и опыт неформальных взаимодействий, приобретающий возрастную специфику. Восприятие коррупции и собственно коррупционное поведение исследуется в аспекте «бытовой» коррупции, под которой понимаются взаимоотношения потребителя коррупционной услуги и лица, ее предоставляющего, в целях решения физическим лицом бытовых (непроизводственных) вопросов [Суходолов 2018: 636].

Эмпирической базой статьи выступили результаты мониторинговых исследований «бытовой» коррупции, проводимых в Республике Мордовия в 2020–2021 гг. Было опрошено 400 респондентов, репрезентирующих население региона по полу, возрасту и месту жительства. К когорте респондентов третьего возраста были отнесены граждане в возрасте 55–70 лет, доля которых в выборочной совокупности составила 41%. Динамика отдельных показателей прослеживалась по результатам опросов 2016–2019 гг. ($N = 384$, погрешность

– 5%, общереспубликанская выборка). С учетом наполненности групп выделяются респонденты, не участвовавшие в коррупционных взаимодействиях и участвующие в таковых. Отнесение части наблюдения, включающей ответы респондентов-взяткодателей, к малой выборке предъявляет жесткие требования к возможности построения таблиц сопряженности для описания некоторых номинальных переменных [Наследов 2013: 113]. В частности, статистически незначимыми выступили результаты анализа наблюдений по критериям дохода, уровня образования и профессиональной деятельности (для работающих пенсионеров).

Результаты эмпирического исследования. Выделим группы респондентов третьего возраста, участвующих и не участвующих в коррупционных взаимоотношениях – 16 и 84% соответственно. Заметим, что данная возрастная когорта демонстрирует наименьшую коррупционную активность (реже всех дает взятки) (см. табл. 1). Последнее объективно обусловлено тем, что значительная часть людей третьего возраста оказывается десоциализированной, т.е. отчужденной от социально-экономических и культурных процессов современного общества и государства [Згурская 2016: 172] и, соответственно, от потенциально коррупционных процессов.

Таблица 1

Давали ли Вы взятку за последний год? (%)

Альтернатива	До 30 лет	31–54 года	55–70 лет
Не давал	75	76	84
Давал	25	24	16

Последовательно остановимся на двух многомерных фрагментах коррупции: субъективном компоненте (оценка уровня коррупции и понимание коррупции) и объективном (характеристика зон коррупции, особенности коррупционных практик).

Оценка уровня коррупции. Основная масса респондентов третьего возраста (как правило, более половины ответивших) нейтрально оценивает динамику уровня коррупции в стране, регионе и городе (поселке, селе): либо отмечают ее неизменность, либо воздерживаются от ответа (см. табл. 2). В то же время респонденты склонны давать более негативные оценки, когда речь заходит не о месте их непосредственного проживания, а о регионе, стране. Последнее можно объяснить тем, что люди позитивно, с эмоциональной симпатией воспринимают прежде всего место своего непосредственного жительства и, соответственно, выделяют там меньше негативных моментов. Заметим, что результаты федеральных опросов свидетельствуют о высокой степени привязанности россиян к месту своего проживания, о позитивном отношении к «малой родине»¹. Следует также учитывать, что в более частых суждениях респондентов о коррупции на уровне страны отражается не собственный опыт человека, а его отношение к информации из СМИ и устоявшиеся культурные стереотипы [Латов 2019: 54].

¹ Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее изменения. – ВЦИОМ. 2020. Доступ: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10594> (проверено 01.04.2022).

Таблица 2

Как изменился уровень коррупции? (в% от целевой группы 55–70 лет)

Вопрос	Альтернатива	В целом	Не давали взятку	Давали взятку
Как изменился уровень коррупции в вашем городе (поселке, селе)?	Стал выше	11	7	19
	Ничего не изменилось	34	32	41
	Стал меньше	17	16	18
	Затрудняюсь ответить	38	45	22
Как изменился уровень коррупции в регионе?	Стал выше	16	10	26
	Ничего не изменилось	35	27	42
	Стал меньше	12	20	8
	Затрудняюсь ответить	37	43	24
Как изменился уровень коррупции в стране?	Стал выше	22	14	32
	Ничего не изменилось	39	38	41
	Стал меньше	8	10	4
	Затрудняюсь ответить	31	38	23

Оценивая влияние фактора участия в коррупционных сделках, отметим, что взяткодатели по сравнению с не дававшими взятку гражданами более негативно настроены: в 2 раза чаще указывали на то, что уровень коррупции стал выше в городе (поселке, селе) (19% – дававшие взятку, 7% – не дававшие взятку), в регионе (26 и 10%), в стране (32 и 14% соответственно).

Понимание коррупции. Давая оценку сторонам коррупционного процесса (дающий и берущий взятку), половина респондентов третьего возраста (50%) осуждают и взяткодателя, и взяткополучателя, что, в целом, соответствует позиции молодежи и людей среднего возраста (см. табл. 3). В то же время в когорте лиц старшего возраста более высока доля тех, кто осуждает чиновника-коррупционера, но оправдывает гражданина-взяткодателя.

Таблица 3

Как Вы относитесь к взяткодателю и взяткополучателю? (в %)

Альтернатива	До 30 лет	31–54 года	55–70 лет
Осуждаю и взяткодателя, и взяткополучателей	55	55	50
Осуждаю только взяткодателя, но не взяткополучателей	4	1	3
Осуждаю только взяткополучателей, но не взяткодателя	11	13	22
Никого не осуждаю	14	11	5
Затрудняюсь ответить	16	20	20

Факт дачи взятки существенным образом увеличивает долю тех, кто пытается возложить вину за коррупционную сделку только на одну сторону — чиновника-коррупционера (см. табл. 4). Последнее позволяет говорить о влиянии «патриархального типа сознания, для которого свойственно восприятие взаимодействия с чиновником в рамках модели дарения со всеми вытекающими отсюда последствиями: побуждение к коррупционной инициативе, позитивное окрашивание самого факта коррупционного взаимодействия» [Российская коррупция... 2013: 373].

Таблица 4

**Как Вы относитесь к взяткодателю и взяткополучателю
(в % от целевой группы 50–70 лет)**

Альтернатива	Давал взятку	Не давал взятку
Осуждаю и взяткодателей, и взяткополучателей	25	55
Осуждаю только взяткодателей, но не взяткополучателей	1	3
Осуждаю только взяткополучателей, но не взяткодателей	62	14
Никого не осуждаю	4	6
Затрудняюсь ответить	8	22

Причины неучастия в коррупционной сделке. Говоря о своем неучастии в гипотетическом коррупционном взаимодействии, только менее половины респондентов 55–70 лет объяснили это социально одобряемыми мотивами: «противно это делать» (16%), «принципиально не даю взяток» (19%) и «могу добиться своего без взяток» (13%). Настораживающими моментами является то, что значимая часть респондентов третьего возраста выбрала альтернативу «нет денег на взятку» (42%) и никто не отметил альтернативу «не знаю, как делать» и «боюсь, что поймают». Последнее может свидетельствовать о том, что довольно большая часть респондентов указанного возраста готова дать взятку при наступлении благоприятных для этого условий.

Понимание результата от взятки. Оценивая результат взятки, респонденты третьего возраста, как правило, отмечают альтернативу «получение результата, который и так закреплен в полномочиях должностного лица» (38%). Существенно реже указывают на практические характеристики взятки: «возможность ускорить решение вопроса» (14%), «качественное решение проблемы» (11%) и «минимизация трудностей» (4%). Можно предполагать, что для значимой части лиц старшего возраста взятка — не столько рациональный, удобный и эффективный инструмент решения сложных вопросов, сколько часть сложившейся системы взаимоотношений с чиновником. Последний за традиционное вознаграждение-благодарность делает именно то, что и должен делать в рамках своих полномочий.

Зоны коррупции. Наибольшее число коррупционных ситуаций у граждан третьего возраста складывалось в сфере здравоохранения (59%) и при оформлении или получении жилплощади (14%), что в большей степени обусловлено специфическими потребностями людей третьего возраста в медицинской помощи, социальном и бытовом обслуживании [Вартанова, Газимагомедова 2020: 43]. Обладание коррупционным опытом не оказывает существенного влияния на ответы. Результаты длительных мониторинговых исследований в

регионе позволяют говорить о неизменности выделенных коррупционных зон для лиц старшего возраста (в особенности в отношении сферы здравоохранения) [Фадеева 2019: 12].

Размер взятки. Более половины всех взяток у респондентов в возрасте 55–70 лет (60%) не превышает размера 5 тыс. руб. В других возрастных когортах показатель ниже: до 30 лет – 41%, 31–54 года – 49% (см. табл. 5). В той или иной степени указанное соотношение обусловлено двумя обстоятельствами: более низким уровнем социальной и экономической активности пенсионеров (и предпенсионеров) и невысоким уровнем их материального благосостояния.

Таблица 5

Какую в среднем сумму взятки Вам пришлось заплатить? (в %)

Альтернатива	До 30 лет	31–54 года	55–70 лет
3 000–5 000 руб.	41	49	60
5 001–15 000 руб.	29	31	25
15 001–30 000 руб.	30	12	7
30 001–50 000 руб.	0	4	5
50 001–100 000 руб.	0	4	3
Свыше 100 001 руб.	0	0	0

Осведомленность о размере взятки. Среди старшего поколения по сравнению с другими возрастными когортами меньше тех, кому в той или иной степени известна величина взятки (55–70 лет – 42%, 31–54 года – 54%, до 30 лет – 53%), что объективно обусловлено меньшей распространенностью коррупционных сделок в среде граждан старшего возраста (см. табл. 6). В то же время доля осведомленных о величине взятки в 42% («полностью известна» + «практически известна») у лиц в возрасте 55–70 лет представляется довольно значительной и свидетельствует о вовлеченности значимой части этой категории граждан в коррупционные практики. Вовлеченность в данном контексте следует понимать не только как прямое практикование взяточничества, но и как участие в иных, не подпадающих под статьи уголовного законодательства неформальных действиях коррупционного характера (дача мелких подарков, «благодарностей», покровительство по службе родственникам и знакомым, оказание незначительных услуг и др.).

Таблица 6

Является ли величина взятки, которую необходимо дать, известной заранее? (в %)

Альтернатива	До 30 лет	31–54 года	55–70 лет
Полностью известна	24	13	3
Практически известна	29	41	39
Не очень известна	21	19	23
Совсем неизвестна	2	6	13
Затрудняюсь ответить	24	21	22

Выводы. К особенностям восприятия коррупции лицами третьего возраста следует отнести следующее:

– убежденность в более высоком уровне коррупции на уровне страны по сравнению с уровнем коррупции в месте своего непосредственного проживания;

– половина лиц старшего возраста негативно относятся к обеим сторонам коррупционного процесса. В то же время пятая часть оставшихся респондентов в возрасте 55–70 лет осуждает только чиновника-коррупционера и не осуждает взяткодателя;

– у 41% респондентов указанного возраста выражена готовность к участию в коррупционных взаимоотношениях при наступлении определенных условий;

– взятка у значимой части лиц старшего возраста воспринимается частью обыденной практики взаимоотношения с чиновником, которую можно охарактеризовать выражением «так положено».

В коррупционном поведении респондентов в возрасте 55–70 лет выделяются следующие особенности:

– респонденты третьего возраста (16%) реже дают взятки, чем молодежь (25%) и люди среднего возраста (24%);

– чаще всего коррупционные сделки у граждан 55–70 лет происходят в сфере здравоохранения и при оформлении или получении жилплощади;

– наибольший размер взяток у указанной возрастной категории не превышает 5 тыс. руб.;

– факт участия в коррупционных взаимоотношениях существенным образом ухудшает оценки респондентов третьего возраста по широкому кругу вопросов.

В целом, лица третьего возраста представляют собой особую возрастную когорту, в основном негативно относящуюся к коррупции, осуждающую ее проявления и ее носителей. В то же время часть граждан старшего возраста использует незначительные взятки, как правило, только при решении вопросов, связанных со здоровьем и жильем. Существенная часть взяток воспринимается ими в качестве благодарности за оказанную услугу, а не как результат прямого вымогательства. Можно предполагать, что подобное поведение обусловлено разным смыслом, вкладываемым в понятие классической взятки и «благодарности». Первому дается твердая отрицательная оценка, а второму – скорее положительная либо снисходительно-нейтральная. Указанное противоречие лежит в парадигме доверительного, лично окрашенного взаимодействия с чиновником, которого стремятся придерживаться люди старшего возраста, в отличие от молодежи и лиц среднего возраста, воспринимающих общение с должностным лицом с формально-рациональных позиций.

Список литературы

Варганова М.Л., Газимагомедова П.К. 2020. Особенности процесса адаптации и социализации пожилых людей в современном обществе. – *Вестник Академии знаний*. № 41(6). С. 43–50.

Долбик-Воробей Т.А. 2020. Оценка демографического старения населения на основе методов непараметрической статистики. – *Демографическое старение населения: угрозы и новые реалии: материалы международной научно-практической конференции, проведенной 9 октября 2020 г. в рамках X Всероссийского фестиваля науки НАУКА 0+* (сентябрь–ноябрь 2020 г.). С. 44–51.

Зборовский Г.Е. 2019. Социальная общность людей «третьего возраста»: понятие, структура, функции. – *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. № 2(59). С. 9–20.

Згурская Е.Н. 2016. Ресоциализация людей третьего возраста как социальная

проблема. — *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. № 3(28). С. 172-174.

Латов Ю.В. 2019. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы. — *Журнал институциональных исследований*. Т. 11. № 4. С. 40-60.

Молевич Е.Ф. 2001. К анализу сущности и формы социальной старости. — *Социс. Социологические исследования*. № 4. С. 61-64.

Наследов А. 2013. *IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. СПб: Питер. 416 с.

Пищик В.И.Ф. 2011. Поколения: социально-психологический анализ ментальности. — *Социальная психология и общество*. № 2. С. 80-88.

Потехина И.П., Чижов Д.В. 2016. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО). — *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 2. С. 3-23.

Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа (под ред. Г.А. Сатарова). 2013. М.: Фонд «Либеральная Миссия». 752 с.

Сулова Т. Ф. 2017. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте. — *Современная зарубежная психология*. Т. 6. № 3. С. 64-70.

Суходолов А.П. 2018. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры. — *Всероссийский криминологический журнал*. Т. 12. № 5. С. 634-640.

Фадеева И.М. 2019. *Бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга*. Саранск. 22 с.

Laslett P. 1996. What is Old Age? Variation over the Time and between Cultures. — *Health and Mortality among Elderly Populations* (ed. by G. Caselli, A. Lopes). N.Y.: Oxford University Press. P. 21-38.

AGISHEV Ruslan Ryafatevich, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher at the Legal Process Monitoring Department, Scientific Center for Socio-economic Monitoring (39a Bogdana Khmel'nitskogo St, Saransk, Republik of Mordovia, Russia, 430005; agishev2019@gmail.com)

BARINOVA Olga Nikolaeвна, Senior Researcher at the Legal Process Monitoring Department, Scientific Center for Socio-economic Monitoring (39a Bogdana Khmel'nitskogo St, Saransk, Republik of Mordovia, Russia, 430005; bolgarri@mail.ru)

MANAEVA Irina Vladimirovna, Researcher at the Legal Process Monitoring Department, Scientific Center for Socio-economic Monitoring (39a Bogdana Khmel'nitskogo St, Saransk, Republik of Mordovia, Russia, 430005; manaeva.i.v@mail.ru)

CORRUPTION AND THE THIRD AGE IN THE REGIONAL DIMENSION

Abstract. The article analyzes the corrupt practices of older people. The relevance of the issue is due to several points. First, in the context of population aging, people of the third age will be more actively involved in social and economic processes. Accordingly, they will more often become the object or subject of corrupt relations. Secondly, due to objective reasons (age, specific needs, health and financial situation) older people are in a special position of corruption. The article used the results of a mass study of the Scientific Center for Socio-economic Monitoring in the Republic of Mordovia (2021, N = 400, $\Delta \pm 5\%$). The purpose of the study was to identify regional features of corrupt behavior and perceptions of corruption. Analysis of the results highlights the motives of corrupt practices of people of the third age, attitudes towards corruption, assessment of

the result of a bribe. The authors consider corrupt activity, zones of corrupt interaction, the nature of the bribes used and emphasize that the corrupt practices of the older generation are devoid of formal and rational meaning. This may be due to the fact that the older generation clearly separates an informal payment into a bribe and «gratitude». A bribe is associated with extortion, and «gratitude» is perceived as part of a mutually beneficial cooperation.

Keywords: *corruption, bribe, corrupt behavior, spheres of corrupt interaction, third age, older generation, corrupt activity*

УДК 327.8

КОМБАЕВ Алексей Викторович — проректор по научно-инновационной деятельности Бурятского республиканского института образовательной политики (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 30; kombaev@mail.ru)

ДАВЫД Мунгуншагай — аспирант Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; mongonchik@mail.ru)

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК «МЯГКАЯ СИЛА»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОНГОЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. На основе социологического исследования, проведенного среди обучающихся приграничных вузов таких регионов, как Республика Бурятия, Республика Тыва, Иркутская обл., авторы описывают восприятие монгольскими студентами российской системы образования и образа России в целом. Пытаясь понять мотивы выбора образовательного вектора монгольскими студентами, авторы делают вывод о возможности использования потенциала привлекательности российского образования для выстраивания и укрепления долгосрочных партнерских отношений с Монголией.

В представленной статье авторы анализируют трудности, с которыми сталкиваются студенты из Монголии, рассказывают о наиболее популярных российских вузах и направлениях подготовки, раскрывают образовательные стратегии монгольских студентов.

Ключевые слова: «мягкая сила», университет, приграничное сотрудничество, абитуриенты, система образования, вузы, образ России

Обширность приграничных территорий России диктует необходимость пристального внимания ко всем процессам, происходящим на этих территориях, и это является необходимым условием, которое позволяет сохранить территориальную целостность страны и обеспечить условия для добрососедского приграничного сотрудничества России со своими географическими соседями.

Различные процессы и практики взаимодействия между людьми, протекающие на приграничных территориях, характеризуются синтезом культур, который обеспечивается в т.ч. и образовательной системой. На наш взгляд, привлекательность российского образования является значимым элементом «мягкой силы» России в вопросах приграничного сотрудничества. Чем привлекательней российское образование и условия его получения, тем больше шансов познакомить жителя другой страны с культурой и обычаями нашей страны и, в свою очередь, обогатиться культурой другой страны через общение с представителем государства-соседа [Nye 1991]. В таком синтезе отношений и рождается практика бесконфликтных решений различных вопросов, в т.ч. и на межгосударственном уровне.